

«Грозный» Светланов против оперной «вольницы»

Общая газета. — 1999.
— 9-15 дек. — с. 10

Премьера «Псковитянки» в Большом Театре назначена на 15 декабря. Прошло 45 лет со дня премьеры этой оперы в Большом. Тогда за пультом тоже стоял Евгений Светланов, он делал первый шаг в своей огромной музыкальной карьере.

— На какие оценки вы окончили консерваторию как дирижер, пианист и композитор?

— До сих пор по-студенчески горжусь, что получил золотую медаль. Мое имя выбито на мраморной доске рядом с именами Скрябина, Рихтера, Ростроповича. «Псковитянка» была моим не только дебютом, но и дипломом. У публики этот спектакль пользовался бешеным успехом.

— Почему вы выбрали «Псковитянку», а не «Бориса Годунова», где, судя по всему, волнующая вас тема «народ и царь» дана с исчерпывающей выразительностью?

— Эта тема актуальна всегда и везде и до сих пор не исчерпана. Я ставил «Бориса Годунова» и «Хованщину» не только в России. Последний раз — в лондонском «Ковент-Гардене». Меня всегда интересовали новые повороты этой темы: фигура Грозного в особенности. Кроме того, все-таки мало звучит гениальная музыка Римского-Корсакова даже в России. А уж куда больше патриот он был! Мы так богаты, что всегда топчем своих талантов и гениев. В этом смысле трагична судьба другого замечательного творца, Льва Александровича Мей, чьи исторические романы стали основой либретто двух гениальных опер Римского-Корсакова. Прожив всего сорок лет, он написал «Царскую невесту» в 27 лет, тут же принялся за «Псковитянку», правда, закончил ее только через десять лет.

— Это Мей написал экспромт: «Графы и графини, / Счастье вам во всем. / Мне же лишь в графине, / И притом в большом»?

— Неумеренная страсть к «большим графинам» свела его в могилу. Он был мастером не только экспромта. Недаром Чайковский написал множество романсов на его стихи. Он переводил Библию, древнерусские летописи, Гейне, Беранже. «Псковитянка» — настоящая народная драма. В ней несомненно присутствуют переключки с современностью. Ведь в истории повторяется все, только на новом витке и часто не в лучшем варианте. Личная трагедия героев развивается не просто на историческом фоне, а обусловлена противостоянием царя и народа — Грозного и псковской «вольницы». Вот вам современная ситуация «власть и оппозиция». У нас всегда в моде всякие «оппозиции», мы просто захлабываемся в оппозиционной стихии, но ничего не добиваемся, к сожалению.

— Вы проводите конкретные аналогии между временем Ивана тогда и Бориса сейчас?

— Мы с режиссером Июкимом Шаровым сознательно подчеркиваем переключки с современностью. Мы развалили СССР, теперь дело идет к развалу России. А Иван Грозный продолжал начатое Иваном Калитой объединение Руси. В «Псковитянке» этот момент высвечен так ярко, как нигде.

Псковичи, жившие как у Христа за пазухой, против Ивана и объединения. Как должен был быть последователь, глубокий и решительный царь, чтобы победила его политика! Иван Грозный недаром говорит: «То только царство крепко, сильно и велико, где ведает народ, что у него один владыка, как в едином стаде — единый пастырь». Столкнувшись с вольнолюбием псковичей, узнав в приемной дочери наместника свою родную дочь Ольгу, он провозглашает: «Да перестанут все убийства! Много крови. Притупим мечи о камни, Псков хранит Господь!» О жестоком подавлении восставшего Новгорода в опере только упоминается. Царь представлен как государственный деятель большого ума и крепкой воли. Народ сам решает на вече, как ему быть. Подчинение Москве, вынужденное силой обстоятельств и логикой истории, принимается не по-холопски. Песня, с которой «вольница» покидает город, проникнута мужеством и печалью. Заключительный семиголосный хор одновременно траурный (Псков покорен, Ольга погибла, царь безутешен) и призывающий к укрощению гнева, к миру и смирению, к единению.

пов. Но не надо осуждать искреннее желание слиться с певцами.

— Когда-то вы славились жесткостью, были одним из самых грозных дирижеров. Но если дирижеру и музыкантам не любить друг друга, то как же вместе делать музыку?

— В осуществлении моих творческих замыслов я становлюсь совершенно нетерпимым. Как расщепивший носорог, бегу по прямой до окончательного поражения цели, сметая на своем пути все. По моему гороскопу я таким и должен быть. Но я не был жестоким, старался не обижать людей. Скорее, в молодости был самонадеянным и нахальным. Юность выпирала. Сейчас все это ушло вовнутрь. С годами стал более терпим и миролюбив. Понял, что благожелательством достигаю гораздо большего, чем диктатом и окриком. Ни в каких нотах, ни в каких классах этому нельзя научиться — учит только жизнь.

— Кто более самолюбив и раним — певцы или инструменталисты?

— Ранним мы все безумно. Мы любим, чтобы нас ласкали, хвалили. Помните, Рахманинов говорил, что от жены художника требуется только одно — три раза в день говорить: «Ты — гений».

традиционных сокращений. Мы получили великолепную критику, и публика постоянно переполняла театр, несмотря на то что опера заканчивалась на рассвете.

— А сам Римский-Корсаков, заканчивая и делая инструментовку «Бориса Годунова» и «Хованщину», разве не сократил и пригладил гениального Мусоргского?

— Не будем его судить, ибо он дал миру два шедевра, стоящих в первом ряду по популярности у нас и на Западе. А сам он писал в «Летописи моей музыкальной жизни», что если потомки сочтут его оркестровки устаревшими, то могут заменить их другими.

— О вас написано много книг, в которых вы представляетесь этаким баловнем фортуны, во что верится с трудом — уж слишком очевидно ваше тяготение к трагической музыке.

— Путь мой никогда не был усыпан розами, может, поэтому я всегда предпочитаю произведения о Жизни и Смерти.

— С какими темами связаны ваши планы писания музыки?

— Сейчас я пишу Третью «Цыганскую рапсодию», а следом — «Эпитафию». Обдумываю исполнение оратории, какой — не ска-

Валерий ГАНЧИКОВ

— В симфонической музыке вы преуспели не меньше, чем в оперной. Но на репетиции я явственно ощущала первостепенность для вас оперы. Это так?

— Я, как говорят в театре, «родился под кулисой». Мои родители были артистами Большого театра. Судьба моя решилась в три года, когда я вышел на сцену в роли сына Чю-Чю-сан в «Мадам Баттерфляй». Всю жизнь я приношу к Большому, как к чистому роднику, особенно, когда мне трудно.

— На репетиции я заметила, что вы поете вместе с певцами. Вы помогаете исполнителям?

— Мне от рождения достался хороший баритон. Петь я люблю, пою в гостях, на репетиции. Знаю дирижеров, которые делают это так громко, что заглушают пев-

— В свои последние годы Рихтер жаловался, что у него путаются тональности — вместо до-мажора он слышал ре, а то и ми бемоль мажор...

— Это бывает и со мной. Но это бывает и в молодости. Мой абсолютный слух от непрерывного общения с музыкой только обострился. Новую партитуру мне не нужно проигрывать — я слышу ее внутри себя. И сочиняю музыку тоже без рояля, как учил великий Шостакович — все видеть «внутренним слухом».

— Почему вы выбрали самую длинную версию «Псковитянки»? Даже сам композитор согласился на купюры.

— Моя позиция — открывать все купюры и давать полный текст партитуры. В «Ковент-Гардене» я ставил «Хованщину» без

жу, потому что украдут идею. У нас даже карманников наказывают иногда, но воров идей — никогда. Я испытал это на себе — стоило мне заикнуться, что собираюсь поставить «Младу», как ее поставил другой дирижер. Охрана авторских прав существует только на бумаге, и то плохо прописана.

— На Западе вроде относятся к русским дирижерам с пиететом, но лучшие оркестры на длительное время не дают. Боятся конкуренции?

— Не согласен. Наши лучшие дирижеры нарастают. Их приглашают шефами знаменитых европейских, японских, американских оркестров. Наша школа признана во всем мире.

— Последнее выступление Клаудио Аббадо в Москве несколько разочаровало, но получило востор-

женную оценку критики, а вас последнее время она не жалуется...

— Я сказал бы иначе (жаль, не могу себе позволить крепкие «морские» выражения). Наша так называемая музыкальная критика превратилась в помойку. Воинствующие бездарности, полные претензий и амбиций, заняли места и не дают работать настоящим профессионалам-музыковедам. Критики искусства превратились в репортеров скандальной хроники.

Когда Ростропович начал приезжать в Россию, эта самая критика не просто критиковала его, а измывалась над ним. В прошлом году он поставил в Саратове оперу Слонимского «Иван Грозный». Не все однозначно в этой постановке, но я изумился злобному тону отповедей. Ясное дело, теперь его сюда калачом не заманишь. Позор нам! Но и это пройдет, как сказал царь Соломон.

— А как отразился скандал в Государственном симфоническом оркестре на вашей работе?

— Пока я занимаюсь «Псковитянкой» и не могу отвлекаться на другие проблемы. Если в Министерстве культуры сидят специалисты чего угодно, но только не культуры, а под их крылом пригреблись либо некомпетентные, либо компетентные, но бессовестные люди (например, чиновники Скоторенко, Рылов и Баранов), будущее нашей культуры плачевно. Конечно, за деньги на культуру ответственно государство, но они государственные чиновники, они обязаны правильно ставить проблемы, а не спекулировать на раздувании скандалов.

— Может случиться, что вы тоже обидитесь и больше не приедете?

— Чтобы не приехать, надо как минимум уехать, а я никуда не уезжал. Я только работал за границей, когда это было необходимо, а не вместо необходимой работы на родине, как писала наша скандальная журналистика. За границей мне не хватает многого, в том числе — с кем поговорить, кому душу открыть. Хотя здесь мне тоже этого не хватает. То ли я сам одичал, то ли люди разобщены как никогда раньше. Мне вообще крайне не нравится то, что происходит сейчас. Вот уже десять лет я не согласен с тем, что делают политики в нашей стране. Я стараюсь не допускать до своего сердца всю эту гадость. Но таких музыкальных откровений, как в России, нигде почти не бывает.

— Несколько лет назад у вас при гастропоезде внутри разорвалась лампочка. Говорят, вы удивительно быстро снова встали за пульт?

— После этого чудовищного случая у меня выпало полгода, хотя я не сдавался, делал специальную гимнастику, принимал все ненавистные лекарства. По моему, ни один дирижер не может похвастаться такими медицинскими приключениями: семь операций, восемь общих наркозов, столько раз на краю могилы. Но Господь Бог, наверное, не хочет меня пока отпускать: «Ты еще не все тут сделал. Еще за тобой должок, голубчик!»

Виктория ГАНЧИКОВА

Светланов Евгений

9.12.99.